

А. В. Зайков*

СПАРТАНСКАЯ ОБЩИНА ОДИНАКОВЫХ В АСПЕКТЕ СОСЛОВНОЙ СЕМАНТИКИ

Термин *ἰσμεῖον* – «одинаковые»¹ – по отношению к высшему сословию лакедемонского общества в античной литературе употребляется очень редко. Основные свидетельства находим у Ксенофонта и Аристотеля.

Ксенофонт в «Греческой истории» утверждает, что Кинадон, стоявший во главе заговора, хотя и отличался силой тела и духа, тем не менее не принадлежал к *одинаковым* – *οὐ μὲντοι τῶν ἰσμεῖων* (Xen. *Hell.* III. 3. 5; события относятся к 399 г. до н. э.). В «Лакедемонской политике» он приписывает законодателю Ликургу учреждение особого сообщества, называемого *одинаковые*; для всех, кто выполняет установленные правила, упражняет гражданские добродетели, Ликург «сделал город одинаково родным» – *ἰσμεῖως ... τῇ πόλιν οἰκείαν ἐποίησε*; а тех, кто не исполняет требований, он постановил не причислять к *одинаковым* – *ἀπέδειξε μὴδὲ νομίζεσθαι ἔτι τῶν ἰσμεῖων εἶναι* (Xen. *Lac.* 10. 7). Далее, Ксенофонт упоминает о трех мужах из числа *одинаковых*, которые во время похода пребывают рядом с царем, дабы взять на себя повседневные бытовые заботы, освободив от них царя и полемархов (*ibid.* 13. 1; 7).

Аристотель, объясняя причины переворотов и смут, бывающих при аристократическом образе правления, упоминает о случившемся некогда в Спарте заговоре парфениев, которые происходили от *одинаковых* – *ἐκ τῶν ἰσμεῖων γὰρ ἦσαν* (Aristot. *Pol.* 1306 b 30; данное событие относится к концу VIII в. до н. э.).

Вне всякого сомнения, термин *ἰσμεῖον* иногда используется вместо термина *Σπαρτίται*. И все же эти два слова не являются однозначными синонимами. Конечно, и *одинаковыми*, и *спартиатами* именовали представителей одного и того же высшего сословия Лакедемона. Однако эти названия фиксируют несколько различные аспекты, относятся к различным сферам социального бытия. *Спартиаты* – название сословия в его политико-правовом смысле, по существу это строгий термин. *Одинаковые* – имя, которое имеет несколько иной смысл и иное содержание; *ἰσμεῖον* – это не столько наименование высшего сословия в строгом правовом аспекте, сколько знаковый образ данной общественной группы.

Община *одинаковых* есть не что иное, как своеобразная модель спартиатского социума, а содержанием этой модели является система знаков, основанных на императиве равенства, понятого не только как равное обладание всеми гражданскими правами и политическими привилегиями, но и как подобие, схожесть в образе жизни, одинаковое исполнение древних Ликурговых заповедей, проявляемое явно и публично.

Эта модель, этот знаковый образ повлиял, конечно, на то литературно-социологическое явление, которое сейчас принято называть «спартанским миражом». Однако нельзя отождествлять «спартанский мираж», созданный за пределами Спарты и явив-

* Зайков Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

шийся фактом литературы (и иногда пропаганды), с тем знаковым образом, о котором мы сейчас говорим. Модель общины *одинаковых* являлась реально действующим фактором социальной жизни Лакедемона.

В любом обществе наряду с такими сферами социального бытия, как экономическая организация, политическая структура, правовая система и т. п. существует еще и сфера групповой семантики. Она хотя и связана и во многом зависима от других сфер социального существования, однако не сводима к ним, самоценностна, обладает собственной структурой. Спартакское понятие *ῥμοι* относится именно к этой сфере сословной семантики.

Модель общины *одинаковых* проявлялась главным образом в трех аспектах: в институте общественного воспитания (агоге), в институте общественных обедов (сиске-ния) и в нормативном образе жизни, который должен сводиться к своеобразной аскезе, к тренировке спартиатских добродетелей.

Механизм обретения прав члена спартиатского сообщества начинался с того, что отец признавал ребенка своим законнорожденным сыном. По сообщению Плутарха (в биографии Ликурга), акт признания спартиатом своего сына происходил перед старейшинами филы в месте, называемом «лесха»². Здесь старцы проводили экспертизу физических качеств младенцев. В случае обнаружения какого-либо серьезного физического уродства ребенок сбрасывался с обрыва Апотеты на Тайгете, если же он был здоров, его отдавали родителям на воспитание³. При благоприятном решении мальчику назначался земельный надел (возможно, Плутарх имеет в виду клер отца) (Plu. Лус. 16). После семилетнего воспитания в домашних условиях, также регламентированного различными обычаями и правилами, ребенок попадал в систему общественного воспитания – агоге (*ἀγωγή*), прохождение которой самым существенным образом отличало спартиатов не только от других представителей лакедемонского общества, но и от всех эллинов вообще⁴.

Период агоге до двадцати лет делился на несколько этапов. В возрасте с шестнадцати до двадцати лет осуществлялась собственно военная подготовка. Одним из важнейших моментов на данном этапе была клятва, приносимая юношами-эфебами в спартакском пританее перед эфорами. Главное, что здесь необходимо отметить – это императив равенства, пронизывающий систему агоге. Сыновья всех спартиатов должны были одинаковым образом пройти эту школу воспитания. Без нее они не могли в будущем рассматриваться как члены общины *одинаковых*, а, следовательно, не получали в полном объеме спартиатские гражданские и политические права.

Взрослый спартиат являлся, кроме всего прочего, полноправным членом сисситии – мужской компании сотрапезников, которые в войске составляли отдельное боевое подразделение и принадлежали к одной палатке⁵. Данный институт выступал как механизм эгалитаризма в среде высшего управляющего и военного сословия, в котором знаковый образ этого сословия нашел свои наиболее институционализированные формы. Дело в том, что вхождение в ту или иную «палатку», принадлежность к товариществу по застолью, являлось, по существу, официальным цензом спартиатского статуса (Arist. Pol. 1271 a 26-37). Именно цензовый характер сисситий предполагался, между прочим, и по законопроекту Лисандра 243 г. до н. э. (Plut. Agis. 8). В данном случае знак принадлежности к *одинаковым* (вхождение в состав сисситии) выполняет функцию критерия высшего политико-правового статуса.

На спартакских совместных трапезах были регламентированы меню и общие нормы потребления (Plut. Лус. 10; 12; Mor. 218 с № 3), утварь и обстановка (Athen. IV. 140), а также и поведение участников застолья. Здесь тренировка спартиатских добродетелей – как и в случае с агоге – носила публичный и часто соревновательный характер⁶. Не следует забывать при этом, что настоящее соревнование возможно лишь, во-первых,

между приблизительно *одинаковыми* в каком-то отношении людьми, но, во-вторых, обязательно между людьми *избранными*, существенно отличающимися от большинства остальных.

Суровая спартанская аскеза с ее императивом эгалитаризма, понятая как одна из форм тренировки высшей гражданской добродетели, распространялась не только на общественное воспитание и сисситии, но и на многие аспекты повседневного быта.

Семантика внешнего вида, вероятно, имела важное значение для спартиата⁷. Прежде всего, представитель общины *одинаковых* обязан был выглядеть аккуратно, следить за чистотой в одежде (неопрятность в Спарте считалась признаком принадлежности к категории «трусов» – лиц, подвергшихся бесчестию) (Plut. *Ages.* 30. 3-4). Плащ не мог быть залатан яркими заплатами, недопустимо было щеголять в одежде, имевшей цветистую расцветку (*ibidem*; Apophth. *Lac.* 53. 18 (288 b)). Согласно Аристотелю, эфоры, вступая в должность, объявляли, что граждане должны брить усы и повиноваться законам (Arist. *Fr.* 539 Rose³ = Plut. *Ages.* 30. 3-4; Cleom. 9).

Естественным и нормальным положением для каждого спартиата считалось состоять в браке. При этом если мужчина не женился вовремя (вероятно, в ближайшие годы после достижения двадцатилетнего возраста) он подвергался различным наказаниям и штрафам (Xen. *LP.* 1. 6; 9. 5; Plut. *Lyc.* 15; Apophth. *Lac.* 53. 16-17 (288 a-b)). Кроме того, спартанский брак должен быть равным. Например, считалось недостойным брать супругу из семьи, подвергнувшейся атимии (Plut. *Ages.* 30. 3).

В общественном поведении принадлежность к общине *одинаковых* предполагала равное общение с представителями этой социальной группы. Спартиат имел свое место в апелле (народном собрании), наравне сидел с достойными товарищами в сисситии, получал положенное ему место в команде при игре в мяч, участвовал в праздничном хоре, имел возможность общественного воспитания дочерей, что являлось знаком правовой полноценности семьи и поэтому имело значение для успешной выдачи дочерей замуж (Xen. *LP.* 1. 4; 9. 4-6)⁸.

В Спарте особую силу имела этика возрастных классов. Каждый из числа *одинаковых* мог рассчитывать на внешние проявления уважения со стороны младших, если только он не был каким-то образом умален в своих спартиатских правах, то есть был достойным и равным соучастником общественной жизни (Xen. *LP.* 9. 5). Известно, как высоко ценили за пределами Лакедемона традиционное уважение, оказываемое здесь младшими старшим (например, об оценке этой традиции Периклом см.: Xen. *Mem.* III. 5. 15). Особые правила поведения, как следует из «Лакедемонской политики» Ксенофонта, налагались на юношей эфетов (Xen. *LP.* 3. 4-5).

Вместе с тем необходимо отметить, что спартиат не должен выглядеть униженным (Plut. *Ages.* 30. 3-4). Спартанский кодекс чести не допускал рукоприкладства по отношению к *одинаковому* (*ibidem*; Xen. *LP.* 9. 5)⁹. Здесь необходимо затронуть такую проблему, как юридические гарантии личности спартиата. Когда Ксенофонт в указанном месте говорит о том, что подвергшийся атимии мог получать удары от «лучших», не в состоянии ответить на них, то под «лучшими» подразумеваются, безусловно, *одинаковые*, по отношению к которым «трус» становился «худшим». Он не мог отвечать на оскорбления ни физически, ни при помощи юридической защиты¹⁰. Что же касается полноправного члена общины *одинаковых*, то его личность получала достаточно прочную процессуальную защиту. У эфоров – коллегии, обладавшей некоторыми судебными и необычайно широкими следственными функциями – имелись обширные права по привлечению любого человека к следствию и большие карательные полномочия. В частности, им было позволено даже царей подвергать предварительному аресту (Xen. *LP.* 8. 4; Thuc. I. 131. 2). Однако известно, что подобный радикальный образ действий не только против царя, но и вообще против любого спартиата должен был быть обеспечен более чем вескими дово-

дами (об этом лаконском правиле прямо говорит Фукидид в рассказе о деле Павсания – Thuc. I. 132. 5). Плутарх, рассказывая о заговоре, созревшем в среде спартиатов и раскрытом царем Агесилаем во время обороны Лаконики от Эпаминонда, говорит, что на совете царя с эфорами было решено – учитывая чрезвычайную ситуацию для государства – убить заговорщиков, хотя прежде ни один спартиат не подвергался смертной казни без судебного разбирательства (Plut. Ages. 32). Эта последняя реплика весьма показательна. Она характеризует систему процессуальной защищенности спартиатов – граждан по преимуществу, – которой в полном объеме не обладало ни одно другое сословие лакедемонского общества.

Намек на длительный характер судебной процедуры над спартиатом, когда в качестве наказания могла применяться смертная казнь, содержится у Платона. Сократ в «Апологии» советует членам гелиэи – афинского суда присяжных – рассматривать подобные вопросы не поспешно, а в течении нескольких дней, как это бывает у других людей (Plato Apol. 37 a-b)¹¹.

Если спартиат имеет явные привилегии – в том числе правовые преимущества – по сравнению с неспартиатом, если он претендует на особое место в полисе по сравнению с людьми другого статуса, то и полис требует от него гораздо большей отдачи. Система правил поведения и кодекс чести, действовавшие в среде *одинаковых*, наглядным образом очерчивали границы спартиатского сословия. Этот кодекс зафиксирован в основных чертах уже в стихах Тиртея, которые в течение веков оставались в Спарте неким кредо господствующей системы ценностей (Tyr. fr. 6; 8; 9 G.-P.; ср.: Dio Chrys. Or. 36. 10; Maxim. Tyr. 37. 5). Характерной чертой этой системы была ее подчеркнутая направленность на воинскую доблесть, а центральной точкой – тезис о том, что для спартиата смерть на поле боя предпочтительнее бесчестия. История спартанских войн предоставляет немало случаев, когда данный принцип действовал на практике (например, битва за Фиреатиду с аргосцами в VI в. до н. э. – Her. I. 82; гибель отряда Леонида под Фермопилами – *ibid.* VII. 219-233; радость родственников тех амиклейцев, которые доблестно пали в бою – Xen. Hell. IV. 5. 10; спартиаты, входившие в состав гарнизона в фиванской Кадмее в 378 г. до н. э., полагали своим долгом держаться до последнего, даже если придется погибнуть – Diod. Sic. XV. 27. 1-4; правда, в последнем случае спартиаты в конечном итоге были вынуждены согласиться выйти из Кадмеи; это пример того, как традиционные ценности оказываются бессмысленными в условиях войны далеко за пределами родного полиса).

В соответствии со спартиатской системой ценностей единственно достойной для члена сообщества *одинаковых* признавалась жизнь в соответствии с «прекрасным» – *τὰ καλὰ* (Xen. LP. 3. 3; Hell. V. 3. 9; Plut. Agis. 5. 5). Этот «прекрасный образ жизни» предполагает причастность к определенным правам, привилегиям и общественным функциям, которыми обладали и которые исполняли только представители высшего гражданского сословия – спартиаты. Причастность к ним обуславливалась жесткой аскезой, тренировкой каждой гражданской добродетели – *ἀσκήσιν ἅπασαν πολιτικὴν ἀρετήν, ... τὰ νόμιμα ἐκτελεῖν, ... τὰ νόμιμα διαπονεῖσθαι* (Xen. LP. 10. 7). Аскеза, исполнение обычаев, ведение «установленного образа жизни» (Thuc. I. 130; 132. 2) являлось одновременно и цензом для вхождения в спартиатское сословие, и публично реализуемой семантической моделью этого сословия.

В спартиатской аскезе, в «установленном образе жизни» бросается в глаза императив эгалитаризма, что находит выражение в самом названии – *ἴσμοιοι*, *одинаковые*. При этом было бы серьезной ошибкой трактовать этот эгалитаризм в духе примитивного коммунистического устройства спартиатской общины, общности имуществ или, по крайней мере, сознательно и последовательно поддерживаемого полисом имущественного равенства в среде высшего слоя. Многочисленные исследования неопровержимо

доказывают, во-первых, что среди спартиатов всегда существовали аристократические семьи, и, во-вторых, что община *одинаковых* никогда не предполагала сколько-нибудь полного имущественного равенства между ее членами¹².

С другой стороны, термин *ἰσότης* не следует сводить к символу правового равенства и политического равноправия. Эти два момента (равенство и равноправие в среде спартиатов) являются лишь следствием причастности лица к тому сложному, полному лишений и даже жертвенности жизненному пути, который освящен высшими, понятиями особым образом гражданскими добродетелями и который доступен лишь немногим. Быть *одинаковым* – значит принадлежать к особому – «лучшему» в Ксенофоновой терминологии – слою гражданского сообщества. Исполнять общие и обязательные для спартиатов установления и правила поведения – значит наглядно и недвусмысленно проявлять принадлежность к этому слою. Вот почему не может считаться *одинаковым* тот, кто не принадлежал к спартиатскому сословию по рождению и не прошел систему агоге, как и тот, кто показал свою трусость в сражении или проявил неспособность к выполнению аскетических норм, как и тот, кто оказался не в силах нести необходимые материальные затраты (полное гопплитское вооружение и взнос в сисситию; об этом см.: Dicaearch. *apud* Athen. IV. 141 с; Plut. *Lyc.* 12). Такие лица считаются «худшими», они не могут получать равные для всех спартиатов правовые гарантии и политические привилегии, вести одинаковый для спартиатов образ жизни, претендовать на соответствующее их возрасту уважение со стороны младших членов сообщества. Они не имеют права даже выглядеть *одинаково* с «лучшими».

Таким образом, термин *ἰσότης* и весь связанный с ним комплекс спартанской аскезы следует трактовать как элемент семантической (знаковой) модели сословий, реально действовавшей в лакедемонском обществе уже в архаическую эпоху, начиная со времени после Мессенских войн, когда сословие спартиатов окончательно приобрело черты специфической социальной группы, корпоративно выделенной внутри гражданского коллектива¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Часто на русский язык это слово применительно к спартиатам переводят как «равные», что не совсем верно отражает смысл термина.

² В Спарте было несколько лесх. По этому поводу см.: Cratin. 164; Paus. III. 14. 2; 15. 8; Plut. *Lyc.* 24.

³ Данное сообщение Плутарха находится в определенном противоречии с тем, что мы находим у Ксенофонта. Последний ничего не говорит о подобной евгенике в том месте «Лакедемонской политики», в котором он должен был бы сказать о ней (а именно – в первой или во второй главе). Кроме того, согласно замечанию Ксенофонта, «слабость тела» и «слабость имущества» не рассматривались в качестве дисквалифицирующего порока для человека, претендующего на статус *одинакового* (Xen. *Lac.* 10. 7).

⁴ Основные источники, позволяющие реконструировать систему агоге: Her. VIII. 124. 3; Thuc. V. 72. 4; Xen. *Lac.* 2-3; *Anab.* IV. 6. 14; Isocr. XII. 211-212; Strabo X. 4. 18; Plut. *Lyc.* 16-25; *Ages.* 1; *Mor.* 212 b; 234 a; Luc. *Demon.* 46; *Icar.* 16; Philostr. *VA.* VI. 20; VII. 42; Ael. *VH.* III. 10; Hsch. α 3769; β 865; β 867; Suda s. v. Δικαίαρχος.

Современная литература, посвященная спартанской агоге, обширна. Из работ на русском языке (отечественных и переводных) укажем следующие: В.В. Латышев. Очерк греческих древностей. Ч. 1: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 107-113; В. Йегер. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Пер. с нем. М., 1997. С. 238-243; Ю.В. Андреев. Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 24-36; А.-И. Марру. История воспитания в античности (Греция). Пер. с франц. М., 1998. С. 34-48. Из зарубежных работ назовем несколько новейших обзоров, в которых читатель найдет более пол-

ную библиографию: *M. Clauss*. Sparta. München, 1983. S. 142-150, 201; *D.M. MacDowell*. Spartan Law. (Scottish Classical Studies, 1). Edinburgh, 1986. P. 46-68, 159-167; *P. Cartledge*. Agesilaos and the Crisis of Sparta. Baltimore, 1987. P. 23-29; *S. Link*. Der Kosmos Sparta. Darmstadt, 1994. S. 24-32; *L. Thommen*. Lakedaimonion Politeia. Die Entstehung der spartanischen Verfassung. (Historia – Einzelschriften 103). Stuttgart, 1996. S. 17; *J. Ducat*. Perspectives on Spartan education in the classical period // Sparta: New Perspectives. Ed. by S. Hodkinson and A. Powell. London, 1999. P. 43-66. В качестве лучшей работы в данной области, опубликованной в последнее время, следует назвать монографию канадского исследователя Найджела Кеннелла, целиком посвященную спартанской системе воспитания: *N.M. Kennell*. The Gymnasium of Virtue. Education and Culture in Ancient Sparta. Chapel Hill, London, 1995.

- ⁵ Источники по спартанским сисситиям (фидитиям): Her. I. 65; Plato *Leg.* 625 e; Arist. *Pol.* 1271 a, 1272 a-b, 1330 a; Plut. *Lyc.*, 12; Paus. VII. 1. 8; Philostr. *VA*. IV. 27.

Из недавних работ о практике совместных трапез в Спарте см.: *M. Clauss*. Op. cit. 150-152; *Th.J. Figueira*. Mess Contribution and Subsistence at Sparta // TAPhA. 1984. Vol. 114. P. 87-109; *D.M. MacDowell*. Op. cit. P. 111-114; *S.J. Hodkinson*. Explorations in Classical Spartan Property and Society. A dissertation ... for degree of Doc. of Philosophy. Cambridge: Wolfson College, 1992. P. 22-31; *M. Nafissi*. La nascita del kosmos. Collana – Napoli, 1996. P. 173-226; *S. Link*. Op. cit. S. 48-53, 121-126; *L. Thommen*. Op. cit. S. 45-46; *H.W. Singor*. Admission to the syssitia in fifth-century Sparta // Sparta: New Perspectives. Ed. by S. Hodkinson and A. Powell. London, 1999. P. 67-89.

- ⁶ Участники сисситий, например, соревновались в лаконском красноречии. На этот аспект обращает внимание А.И.Зайцев, исследуя древнегреческий агон: *А.И.Зайцев*. Культурный переворот в древней Греции VIII-V вв. до н. э. Л., 1985. С. 129.

- ⁷ О семантике спартанской одежды см.: *E. David*. Dress in Spartan Society // Ancient World. 1989. Vol. 19. № 1&2. P. 3-13.

- ⁸ О женском воспитании в Спарте см. также: Xen. *LP*. 1. 4; Plut. *Lyc*, 14.

Положению спартанских женщин посвящены многочисленные работы, появившиеся в основном в недавнее время. Назовем из них некоторые: *J. Redfield*. The Women of Sparta // CJ. 1977. Vol. 73.2. P. 146-161; *P. Cartledge*. Spartan Wives: Liberation or Licence? // CQ. 1981. Vol. 31.1 P. 84-105; *A.S. Bradford*. Gynaikokratoumenoi: Did Spartan Women Rule Spartan Men? // Ancient World. 1986. Vol. 14. № 1&2. P. 13-18; *T.F. Scalon*. Virgineum gymnasium. Spartan Females and Early Greek Athletics // The Archaeology of the Olympics. Madison, 1988. P. 185-216; *Ю.В. Андреев*. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44-62; *L. Thommen*. Spartanische Frauen // Museum Helveticum. 1999. Vol. 56. Fasc. 3. S. 129-149; *Millender E.G.*. Athenian ideology and the empowered Spartan woman // Sparta: New Perspectives. Ed. by S. Hodkinson and A. Powell. London, 1999. P. 355-391; *A. Powell*. Spartan women assertive in politics? Plutarch's Lives of Agis and Kleomenes // Ibid. P. 393-419. Из работ о спартанском браке см.: *S. Hodkinson*. Inheritance, Marriage and Demography: Perspectives upon the Success and Decline of Classical Sparta // Classical Sparta: Techniques behind her Success. London, 1989. P. 79-121; *А.В. Зайков*. Юрисдикция спартанских царей (к интерпретации Hdt. VI. 57. 4-5) // АДСВ. Вып. 31. (2000). С. 5-30.

- ⁹ Речь не идет о частых кулачных стычках, бывших обычными среди отрядов молодежи в возрасте от 20 до 30 лет и поощрявшихся из воспитательных целей. Эти стычки имели свои правила и достаточно четкие рамки (Xen. *LP*. 4. 6).

- ¹⁰ См. трактовку этого места у Д. МакДауэлла: *D.M. MacDowell*. Op. cit. P. 45.

- ¹¹ О том, что Сократ здесь намекает именно на спартанские законы, указывает Дж. Риддель, приводя аналогию с Фукидидом (Thuc. I. 132): *J. Riddell* (ed.). The Apology of Plato. Oxford, 1867. P. 88 (*ad loc.*). О симпатиях Сократа к законодательству Лакедемона см. также: Plato *Crito*. 52 d.

- ¹² Назовем некоторые из новейших исследований: *P. Cartledge*. Sparta and Laconia. London, 1979. P. 109-120, 316-317; *M. Furuyama*. Which was Reality in Classical Sparta, the Regime of the Homoioi or Patronage? // Bulletin of the University of Electro-Communications. 1991. Vol. 4. 2. P. 257-266; *F. Bourriot*. Kaloï kagathoi, kalokagathia a Sparte aux époques archaïque et classique // Historia. 1996. Bd 45. 2. P. 129-140. Наиболее существенный вклад в разработку данной проблемы внес английский исследователь Стивен Ходкинсон: *S. Hodkinson*. Social Order and the Conflict of Values in Classical Sparta // Chiron. 1983. Vol. 13. P. 239-281; *idem*. Land Tenure and Inheritance in Classical Sparta // CQ. 1986. Vol. 36. 2. P. 378-406; *idem*. Modelling the Spartan Crisis: Computer Simulation of the Impact of Inheritance Systems upon the Distribution of Landed Proprety // Bulletin

of the John Rylands University Library of Manchester. 1992. Vol. 74. 3. P. 25-35; *idem*. Explorations in Classical Spartan Property...; особенно важна только что вышедшая монография, подводящая итог многолетним усилиям этого автора в данной области: *S. Hodkinson*. Property and Welth in Classical Sparta. London, Swansea, 2000 (в особенности см. части I и III). Впрочем, ничто не мешает перечитать соответствующие разделы старой, но по-прежнему великолепной работы *Р. Пельмана* «История античного коммунизма и социализма» (СПб., 1910. С. 30-50).

¹³ О том, что спартиаты не исчерпывали собой весь гражданский коллектив Лакедемона и о причинах формирования корпоративно организованного военного сословия в Спарте см. мои предыдущие работы: 1) Периэки в структуре спартанского полиса // АДСВ. 1988. С. 19-29; 2) Территориальная экспансия Лакедемона и становление спартанского полиса // Вестник ЛГУ. 1991. Сер. 2. Вып. 3. С. 24-29.